

МИХАИЛ РОМАНОВ

МИНУТА ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

ПОВЕСТЬ

Михаил Романов

Минута для президента

<https://litres.ru/74014731>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга посвящена Сальвадору Альенде. Но, как я понимаю сейчас, она будет более интересна тому, кто никогда не слышал об этом замечательном человеке. Хотя все эпизоды (кроме одного), описанные в книге, произошли с Сальвадором Альенде в действительности, в книге не стоит искать математически точного соответствия фактам его биографии. Зато здесь вы найдете попытку понять последние часы его жизни.

Да, и пусть вас не удивляет странное сочетание жанров (политический детектив и сказка), как не удивляет сочетание в фильме живых артистов с анимационными персонажами. Такая вот особенность этой книжки. Поверьте, все это не причуда автора, а необходимость, продиктованная самой историей.

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	12
5	16
6	19
7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Романов

Минута для президента

1

На той стороне улицы фонарь желтый, дерево желтое, машина стоит возле забора, тоже желтая. Оконное стекло холодное. Если Эссе удастся дотянуться и прислониться к стеклу пылающим лбом, то наверняка ему станет легче, холод осени проникнет в его тело, и жар спадет. Так ему чудится. Бедный маленький Эсс, дела его плохи.

Он с трудом поворачивает лицо к окну. Дом, в котором болеет маленький Эсс, обнесен легкой прозрачной оградой из металлических прутьев, они не мешают мальчику видеть улицу. Там всегда желтая ночь, безлюдная, но не одинокая, беззвучная, но не глухая. Странная улица, как и все в лихорадочном мире Эсса. Фонарь, дерево, грузовик и время там течет как-то по-другому. Чьи-то ароматные руки вытирают Эссе пот со лба и машины уже нет. Чьи-то руки протягивают ему таблетку, он благодарно глотает ее, а машина снова на месте. Но Эсса не удивляют и не пугают такие незатейливые приключения – значит таковы правила в этой странной желтой вселенной.

Фонарь желтый и дерево желтое. Фонарь стоит, как солдат

на посту. Дерево стоит как балерина, которая вся вытянулась и замерла перед невероятным полетом. Если Эсс просыпается, отвернувшись лицом в глухую черноту комнату, то нужно очень-очень напрячь мышцы-веревочки, медленно и туго, сантиметр за сантиметром, повернуть мокрую от жара голову, дотянуться глазом до окна и путешествие начинается.

2

– Товарищ президент, они уже здесь, на площади! – президент Эсс очнулся от внезапно пришедшего воспоминания из детства. В дверях его кабинета стоит Генерал в брюках и пиджаке от разных костюмов, он протягивает Эссу рожок от автомата Калашникова. – Вот, я зарядил, если Вы все-таки хотите

Президент берет рожок и машинально направляется к окну, чтобы посмотреть на площадь перед дворцом, которая, как и вся его страна, теперь захвачена повстанцами.

– Назад! – Кричит генерал, но еще более убедительно кричат автоматы снизу. Стекло осыпается, деревянные жалюзи разлетаются мелкими щепками, пули впиваются в потолок, кружит снег из известки. Эсс человек предельно упрямый, но сейчас и он повинуется, уходит вглубь кабинета.

– Я найду вам каску – говорит генерал, обрадовавшись новой причине, чтобы отлучиться. Президент Республики, которого свергнут в течение получаса, – не лучшая компания.

– Остановитесь. Почему вы в таком виде? – Эсс говорит бодро, настойчиво и колюче, как все 45 лет своей политической работы. – Где Ваш мундир, генерал?

В президентском дворце есть бассейн для сотрудников. Два года назад, когда Эсс победил на выборах, плавать и возлежать в шезлонгах стало некогда и бассейн осушили.

Теперь это глухое место, которое не сразу найдешь в недрах дворца. Сегодня утром, после того как повстанцы вошли в столицу, генерал пробрался в раздевалку бассейна, снял мундир, аккуратно повесил его на вешалку (как делал это все годы службы) и запер мундир в шкафчике. Он не мог просто сжечь его, как делали это другие офицеры. Но что теперь ответить президенту?

– Виноват – потупился генерал.

– По-хорошему наказать бы вас, как дезертира

В течение месяца все верные Эссу части сдались. Солдаты и офицеры либо перешли на сторону повстанцев, либо были расстреляны. Теперь остался последний форпост Республики, и находился он здесь, в президентском дворце, и защищать его остался только один солдат – президент Эсс. Снизу слышались восторженные крики победителей и ругань. По фасаду дворца снова начали стрелять. Сыпались стекла из соседних окон. Несколько пуль снова влетели в кабинет президента.

– Я все-таки поищу каску.

Генерал исчез в гулких недрах дворца, и Эсс опять остался один. Думать о том, когда он совершил роковую ошибку, было также неуместно, как и думать о будущем. В жизни наступила безжалостная ясность: в ближайшее время он встретится лицом к лицу с повстанцами. А ошибка – он точно знает, что не совершал ошибок, он просто яростно защищал интересы своей страны и тихих ее граждан, которые, хоть и

составляли абсолютное большинство, но противостоять животной силе кучки мятежников не могли.

Тихие жители, которые умели только работать и надеяться. Сейчас они спрятались в своих хлипких домах и ждут: оставят ли большие люди, творящие историю, хоть что-нибудь для надежды. Они, вместе со своим президентом, строили новый мир, которые, как оказалось, не все готовы были принять. Недовольных было много: большие и сильные соседи по континенту; олигархи, изгнанные и разоренные Эссом; обычные граждане Республики, вцепившиеся в свое щедрое, жалкое богатство. Но самое главное то, у кого не было ничего – ни денег, ни дома, ни работы, ни веры хоть во что-нибудь. Именно последние составили ударный костяк повстанцев. Их толкала на мятеж не алчность, как писали газеты в начале восстания, не надежда на жирную благодарность соседей, не предчувствие наживы. Какая-то своя, злая справедливость вела их в бой. И сейчас, армия, погоняемая блохами и вшами, заняла мраморную площадку перед дворцом, поломав зачем-то кипарисы и пальмы.

Но уже слишком поздно думать о кипарисах, прошлом и будущем. Президента увлекает неизвестно откуда взявшееся воспоминание о детстве, о болезни, о Вселенной за окном. Когда Эсс был молод он старательно складывал яркие, важные события в отдельный уголок памяти, на случай если придет необходимость давать большое интервью, приуроченное к получению Нобелевской премии, или если придет-

ся-таки умирать и что-то вспоминать перед смертью. Уголок этот был забит яркими выступлениями, аплодисментами, борьбой и ссылками, маленькими победами над тысяче-летней хмарью, и снова борьбой. Уже не уголок, а целый дворец. В нем обитали влюбленные в него миллионы глаз, и еще одна пара глаз, юных и чистых, (опять же как вся его страна). Но вместо триумфальной жизни, сейчас ему зачем-то подмигнула желтая Вселенная.

3

Эсс просыпается, он в комнате один, снова ночь и лихорадка. И яростное беспокойство, проникающее в него через тяжелый предмет, лежащий на груди. То ли ледяной, то ли раскалённый. Дотянуться рукой до него не удастся – сил в мышцах хватает только на беспомощное ощупывание клочка простыни под пальцами. Предмет тяжелеет, руки слабеют. Опустить подбородок, прижать глаза к нижнему веку и попытаться увидеть его? Предмет яростно защищается, он вонзает тысячи зубов в тело Эсса. Очень страшно, ему хочется вопить и колотить ногой о решетку кровати, но нужно сдержаться – он же мальчик. Спасение только там, за окном, только бы успеть дотянуться глазами, пока они не лопнули от ужаса и боли, и Эсс спасен.

Дерево, фонарь, забор, грузовик (сегодня машина на месте). Безмолвная вселенная, где Эсс совсем один, даже водитель живет в каком-то другом измерение и не попадает на глаза Эссу. Вдруг легкое движение воздуха качает ветку дерева. Это немного успокаивает Эсса, а то слишком нереально выглядела эта замершая картинка, лишенная признаков обычного, привычного течения жизни. По улице ведь часто гуляют ветра от моря к горам и обратно. Но дерево снова качнуло веткой, и тут стало понятно, что причина этому не ветер – остальные ветки оставались неподвижными.

В этой вселенной нет ветра. От удивления Эсс потянулся к окну всем телом и тут же оказался вдавлен в койку стотонным предметом на груди. Отброшен куда-то во тьму. Теряя сознание, он успел услышать голос и различить слова: «Торопись, Эсс. Торопись!»

4

Чем он тогда болел? Инфекция? Рана? Кратковременное помешательство, которое никогда больше не повторилось? Почему память не сохранила никаких подробностей, кроме картинки за окном? Однако эти вопросы так и останутся одинокими – искать к ним ответы уже слишком поздно.

Слишком поздно сожалеть, договариваться, торговаться, искать виновных: они все собрались под его окном. Слишком поздно искать союзников: почти все его единомышленники (в отличие от противников, кстати) уже отrekliсь от его обездоленной Республики. Слишком поздно молчать и слишком поздно говорить: утром он уже обратился к гражданам по радио. «Я не мученик, но я не покину дворец, пока не выполню волю пославшего меня народа.». Даже выбирать галстук слишком поздно: действительно, пора уже надеть каску.

Конечно, можно никуда не ходить, остаться в кабинете и ждать конца здесь. Можно посидеть на удобном диванчике для посетителей (его рабочее кресло засыпано стеклами). Еще раз обернуться и посмотреть на свою жизнь, мелькнувшую как невероятное лето. Если лето было блистательным, то и закончиться оно должно ярко. Лето – это праздник с салютом в финале: деревья разукрасят бледнеющее небо желтыми и красными взрывами. Потом огоньки-листья, один за

одним, будут гаснуть. Наступит ночь.

«Жаль что нет трассирующих пуль, было бы красиво» – Думает Эсс глядя на автомат. Можно было бы их поискать во дворце, но Слишком поздно. Эсс решительным шагом выходит из кабинета.

Пустые коридоры и лестницы, распахнутые двери, прострелянные окна. Раньше, когда он проходил по этим коридорам, к нему часто подходили служащие, спрашивали и уточняли что-то, делились идеями по благоустройству будущего Республики. Или просто благодарили (за дела и победы, и, главное, за надежду и вдохновение, которые он умел подарить людям, отправленным в нокаут социальным устройством Республики). Короткий путь от входа во дворец до кабинета мог растянуться на несколько часов, однако ходить было легко и приятно, как плыть по течению. Дворец был наполнен звонкими словами, они звучали в комнатах и залах, на лестницах и на подоконниках. Служащие говорили смеялись и надеялись. Так было все два года, но не последней месяц – когда началось восстание, Эсс как-то сразу стал одинок. Люди по-прежнему кучковались на лестницах и возле окон, но теперь они шептались. Дворец наполнил мутный шелест испуганных сердец. Когда в коридоре появлялся Эсс, все замолкали. Президенту было все равно – зачем ему слышать, о чем говорят его подчиненные, если он знает, о чем они думают. «Эсс выиграл выборы, но войну он проиграет. Пора готовиться к новой мрачной и неизбеж-

ной власти». Время «товарищей» оказалось коротким, вот-вот во дворец снова вернуться «господа».

– Товарищ президент! – долговязая фигура генерала показывается в конце коридора, в его руках болтается солдатская каска.

Эсс снисходительно улыбается генералу, как улыбаются ребенку, который протягивает больному отцу игрушечный шприц. Однако каску надевает. Ему остается спуститься на два этажа, и он окажется в просторном фое с огромными резными дверьми, в которые бьется свинцовой жутью уже почти свершившийся переворот. Но для начала ему нужно дать последние инструкции Генералу.

– Товарищ президент, я пойду с вами. Я не знаю подробности вашего плана, но, поверьте, он сработает и без меня. Даже намного лучше

– Нет – Эсс обрывает его порыв. Они с Генералом почти друзья, но сейчас приходится говорить приказами. – За автомат и каску спасибо, но напоминаю: вы, еще с утра, откомандированы из столицы. Во всех последующих событиях у вас важнейшая роль и вам придется с ней совладать. Вы можете больше, чем просто погибнуть от рук мятежников.

– Но вы же тоже

Эсс не хочет слушать назойливо-прагматичные доводы Генерала и снова перебивает его.

– Вы знаете, как безопасно выбраться из дворца?

– Да, конечно.

– Я не сомневался.

Эсс излагает Генералу детально продуманный план. Генерал должен оказаться сегодня на берегу океана в одной небольшой бухте. Для этого он должен разыскать в городе специально припрятанный верными помощниками Эсса грузовик. На случай, если его остановят повстанческие кордоны, в кузове спрятано несколько мешков со всякой едой, которой Генерал будет откупаться. В небольшом городке, недалеко от бухты, он соберет отряд из верных Эссу рабочих и рыбаков. Они подготовят лодки и будут ждать, когда в бухту войдут огромные черные корабли без флагов.

– Вы поднимитесь на борт. За лоцмана на корабле будет человек, вы его знаете. С этого момента вы поступите к нему в распоряжение. Вы вместе соберете народную армию, ну и – Эсс снова натывается на слова, которые не хочет произносить. Он предпочитает закруглить тему. – и наконец, Вы займетесь тем, о чем давно мечтали, а я вас ограничивал.

– Товарищ президент – Генерал, видимо догадавшись о каком человеке идет речь, собирается переубеждать президента. Но Эссу уже слишком поздно менять свои планы.

– Поверьте, вы с ним теперь на одной стороне. Не ссорьтесь. Считайте, что это мой последний приказ.

– Слушаюсь, товарищ президент. – Отвечает Генерал глухим, чужим голосом.

Эсс шагает по мраморной лестнице вниз, и понимает, что так его больше уже никто не назовет. Да и вообще ему вряд ли с кем-нибудь придется разговаривать. Но в Эссе нет страха, он уже все придумал: его смерть станет этапом борьбы, той борьбы, что определила всю его жизнь. С детства он смотрел из своей сытой обеспеченной жизни на бездну нищеты, в которой как-то умудрялись выживать рабочие, солдаты, рыбаки, пастухи, их дети, их старики, их калеки – в общем, почти все граждане его Родины. Умытый и одетый своей служанкой, накормленный прекрасным поваром, нахваленный чистенькими иностранными учителями, юный аристократ с восторгом смотрел на великое и тихое достоинство людей, прозябающих в закопченных лачугах, бараках и шалашах. Иногда это достоинство выталкивало их на улицу, на демонстрацию. И тогда Эсс не мог оставаться непричастным. Уже тогда Эсса подбадривало смутное убеждение, что революция без него не обойдется. Он сбегал из дома, шагал вместе с толпой рабочих – сначала робко, молча, в хвосте процессии, стеснялся петь в голос революционные песни вместе с толпой, насвистывал себе под нос. Но с каждой новой демонстрацией голос его креп, его начали узнавать завсегдатаи демонстраций. Вместе с новыми товарищами он шагал уже в первых рядах, нес с ними транспаранты, изготовленные сво-

ими же руками, выкрикивал лозунги. Потом, весьма успешно, дрался с карабинерами – не зря он занимался боксом, пусть и в элитной секции. Потом вместе с товарищами бежал от карабинеров, прятался под пирсами или в цехах заводов. И неизменно клялся в вечной верности идеалам борьбы и равенства. Он боролся, когда был школьником, студентом; врачом больницы для бедных, когда был рядовым членом партии и когда стал секретарем партии, и когда был изгнан из партии (за пренебрежение идейной чистотой и призыв к объединению всех левых сил в одну большую партию); когда был назначен министром здравоохранения и когда заседал в парламенте. А когда, после трех неудачных попыток, Эсс стал президентом ему показалось что скоро он победит

Теперь Эсс с автоматом в руках шагает вниз по лестнице, тоже надеясь победить. На последний бой его провожают взглядами портреты президентов, управлявших страной до него. Когда Эсс выиграл выборы, товарищи предлагали снять эти портреты, но Эсс не был кровожадным ни к живым, ни к мертвым, ни к реальным врагам, ни к памяти. Да и польза от них кое какая имелась: портреты напоминали о бесславной судьбе его предшественников. Большинство из них покинули дворец с позором и не по своей воле. Оставив горький след разочарования в народной памяти, они заканчивают свои дни в Женеве или Париже, сторонясь бывших соотечественников. В газетах обходят вниманием новости бывшей Родины, пьют кофе за столиком на улице и смот-

рят на пробегающую жизнь хитрыми, но пустыми глазами.

Тех, чьи портреты вешат ниже по лестнице, Эсс знал лично. Правящая элита как-то сразу, с первых дней политической деятельности Эсса, отнеслась к нему серьезно. Вон тот, симпатичный дедушка с тростью, личным указом отправил двадцатиднолетнего Эсса в ссылку в глухой рыбацкий городишко, в котором почта и полицейский участок помещались в одном домике – идеальный контроль входящей информации, и, как следствие, – идейная стерильность горожан.

6

Четыре улицы, торговый причал, который утром служил рынком, а вечером центральной площадью с кафе под зонтиками. Примерно 300 горожан, живущих в основном продажей рыбы, и ни одного коммуниста. Из столицы это место кажется мертвой пустыней, где любая поросль идейной ереси обязательно погибнет, задушенная тяготами выживания. Но Эссу 21 год, он дышит идеалами всеобщего равенства и человеческого достоинства, в «тяготах выживания» он видит проявление социальных болезней, которые ему предстоит искоренить. Думая о них, Эсс испытывает злобу, восторг и трепет. Как боксер перед дракой.

Глухая, непроглядная ночь. Берег океана, валуны, ветер. Еще неделю назад Эсс щеголял на собраниях прогрессивной молодежи в большом, быстром городе с огнями и тротуарами, вечерами возвращался домой, пил чай из фарфоровой чашечки и засыпал, улыбаясь завтрашнему дню. А теперь в его распоряжение только шалаш, кое как разместившейся между двух валунов на берегу океана.

Городишко, в котором формально Эсс сейчас находится, спит, вытянувшись во мгле, всего в ста метрах от шалаша Эсса, но отделен от него пропастью ночи – городок спит так глубоко, как будто его не существует вовсе (ни фонарика, ни скрипа, ни вздоха). Эсс сидит на валуне, ему не спится. Если

бы он был другим, то млечный путь и луна были бы его друзьями этой ночью, но ему светит другая звезда. Он вглядывается в океан: посреди черной глади горит электрический свет – это большой корабль протискивается где-то между черной водой и черным небом, прожектор освещает палубу и, подспудно, передает привет Эссу, наполняя его ночь смыслом и радостью. Юноша на камне думает о матросе, вкрутившем лампочку, о его руках, крепких, задубевших и заботливых: его товарищи на вахте теперь ходят по освещенной палубе, а Эсс радостно улыбается, зная, что он не один в этой ночи. Эсса восхищает труд, каждая микроскопическая единица труда (лампочка в океане) для юного романтика представляется ценнейшим из чудес света. Матрос своей лампочкой подмигивает Эссу, и ночь его становится светлой.

Потом наступал новый ослепительный день. Коммунист, но все-таки барчук, Эсс на удивление легко влился в городскую жизнь. Ловкий, сильный и очень веселый, днем рыбаки с радостью брали его в море, а вечером угощали вином в кафе на площади. А Эсс угощал их рассказами о больших городах с огромными портами, мостовыми и театрами, президентским дворцом и таинственным садом. И о будущем. Об этом будущем он сам знал из книжек, которые они с товарищами тайно передавали друг другу. Довольно смутные сведения, но излагал он их зажигательно. Эсс обещал рыбакам справедливые закупочные цены на рыбу и новые, не промокающие штормовки, доступную медицину, школы для детей

и автобус в соседний город два раза в неделю.

Рыбаки, зачерствевшие на соленом ветру, пусто смотрели на наивного пророка – в том или ином виде они слышали о таком будущем от всех без исключения кандидатов в президенты. (Портреты ехидно прищуриваются и качают головами, не без удовольствия признаваясь в удавшемся обмане.) Но тот, кто был более чувствительный, понял, что, парень действительно верит своим словам, в отличие от кандидатов перед выборами.

Убедительности добавляло и то, что Эсс не обещал мгновенного и легкого перехода в эту новую жизнь со штормовками, автобусом и всемирным уважением рабочего человека. «Свободу мы добудем в бою своей рабочей рукой».

– Рабочие должны объединиться – Эсс не просто говорил, он горел словами. Все собравшиеся на площади чувствовали жар.

– Личное благо можно получить только после организации блага общего. Только схватившись всеми свободными руками за трал, можно вытащить улов на палубу, и только потом уже получить свою долю. Только когда каждый отдаст свои силы, все без остатка, на общее дело, жизнь начнет меняться.

Смеркалось, Эсс, казалось, говорит со звездами, потому что с простыми рыбаками еще никто так не разговаривал.

– Объединение и борьба совершенно необходимы, ибо неизбежны. Рабочий человек одинок, он никому не нужен.

Сейчас Человек тождественен товару, который он производит и стоит ровно столько же. За сколько вы продаете на этом причале килограмм хамсы агентам капитализма?

Рыбаки промолчали, но в сердце каждого брякнула эта тщедушная цифра.

– И сколько ваших товарищей в прошлом году погибло в море, добывая для «цивилизованного мира» рыбок?

– Четверо – робко сказал самый молодой.

Он хотел еще что-то добавить, но его отец – крепкий, еще молодой рыбак, хозяин собственного судна – предусмотрительно приставил огромный кулак к носу сына и тот умолк.

– Кто-нибудь из тех, кто нажил миллиарды на их труде, дал их семьям хотя бы цену килограмма рыбы?

– Нет – снова зазвучал юный голос, но уже дерзко. И на этот раз его никто не остановил. Зерна мечты о справедливости уже были посеяны в душах слушателей.

У сына рыбака были рыжие спутанные волосы и ищущий взгляд. С того вечера и до самой амнистии Эсса они были неразлучны. Дерзкий парень, он уже давно предчувствовал что мир, окруживший его, устроен как-то не так, но у него не было слов, чтобы выразить свои претензии. Отец парня редко брал его с собой на площадь хотя другие рыбаки приходили с сыновьями, которым уже исполнилось 16 – когда рыжий был поблизости, драки завязывались гораздо чаще обычного. Рыбаки прозвали рыжего парня Синим (как синяк, фингал).

Они с Эссом ходили в море на лодке его отца. Парень знал море, умел с ним обращаться лучше любого взрослого рыбака, но не любил его. Рыже-Синему было мало моря, оно ему казалось тесным и скучным, другая стихия его привлекала. На море и в скалах, в погребе, воруя у отца вино и даже околачиваясь под окном двух сестриц-красавиц, они не умолкая говорили об идеях, о борьбе за будущее, о правде и справедливости. Кстати высокомерные сестрицы охотно одаривали их вниманием, они были в восторге то ли от идей, то ли от страсти, с которой они излагались. На валунах у шалаша Эсса они с Синим устраивали умозрительные суды над негодьями из истории, над президентом и членами правительства, над монструозными корпорациями. Негодья приговаривались к расстрелу и Синий, зачитав приговор, кидал в море дробь мелких камушков. Натянутая гладь воды покрывалась круглыми ранами, а на горизонте шли большие навьюченные суда, вывозя с их Родины в «цивилизованный мир» вино, медь и рыбу.

Через полгода власть во дворце поменялась и Эссу было позволено переселиться из шалаша на валунах обратно в большой город. В ссылку он приехал испуганным мечтателем, которому до отъезда служанка каждое утро приносила мороженное к кофе, а он пересказывал неграмотной женщине свои учебники (алгебра, химия). Возвращался домой он уже взрослым, хлебнувшим жизни людей, о которых знал прежде только из книжек и собственных фантазий. Многие

из тех, с кем он ходил в море и сидел за столом пришли провожать Эсса, он был лучшим, что случилось в этом городке за последнее тысячелетие. Синий конечно же пришел, и отец его пришел.

Эсс не боялся полиции, не боялся вступить в борьбу со всем империализмом сразу, не боялся ответственности за историю, которую он хотел творить. Но когда на причале показалась мощная фигура отца его друга, Эсс, неожиданно для себя, испытал мальчишеский трепет. Весь их порыв, все веселые мечты о будущем уперлись в твердь реальности – двухметрового человека, владельца собственной лодки, который устроил в пределах своей жизни маленькое государство, состоящее из трех матросов, двух помощниц на рынке, жены и сына. В этом государстве он установил свою простую мужицкую справедливость без лишних идей, книжек и лозунгов. Все граждане этого государства называли его «Отец» и когда возникал у них спор (куда сегодня идти ловить рыбу, в какой цвет перекрасить прилавок, что готовить на ужин, за кого голосовать на выборах) то спор этот всегда заканчивался одной и той же фразой: «Как Отец скажет, так и будет». А Эсс, получается, внес смуту и лишнюю мечту в его крепкий мир, увлек за собой единственного сына и наследника, привив ему мечту о всенародном счастье и вселенской справедливости. К тому же юные мечтатели за эти полгода неплохо осушили запасы его вина.

Отец сжал руку Эсса и долго ее не отпускал, как будто

проверяя силу и выносливость его мышц (единственного реального инструмента борьбы за справедливость). Сделав для себя какие-то выводы, он улыбнулся.

– А тебя так просто не сожрать – произнес он с одобрением. – Смотр, только не согнись там – он мотнул головой в сторону столицы и наконец разжал руку.

Может быть, если бы Эсс чуть лучше умел «гнутьяся», он не стоял бы сейчас с автоматом в фойе президентского дворца. Как минимум плыл бы на пароходе в какую-нибудь Францию и даже не смотрел бы на исчезающие за горизонтом берега его суетливой и бестолковой Родины. Мог бы вообще спокойно сидеть в своем кабинете и покуривать сигару с каким-нибудь местным олигархом (с тем, кто присвоил себе всю медь или с тем, кто украл всю рыбу). А мог бы вообще проиграть выборы, остаться классным оратором, лидером своей маленькой партии с гордым названием «Общий фронт».

В следующий раз он оказался в рыбацком городке уже во время своей первой предвыборной компании. Все эти годы рыбаки с площади – его первые слушатели, первые единомышленники и оппоненты – сопровождали Эсса в его воображении: когда он писал свои речи, когда разрабатывал законы и принимал решения он мысленно обращался именно к ним, силой воображения он задавал им вопрос: «Прав ли я?». Воображаемые рыбаки хмурились или аплодировали, наливали ему еще вина или пускались в спор. Но что делали настоящие рыбаки? Скорее всего просто ловили рыбу и жили своей жизнью, бедной на надежды. Может быть, кто-то в городке и помнил его (сестрицы-красотки? рыжий па-

рень?), может быть кто-то встретит его возле автобуса (афиши его визита были расклеены по городку за неделю)?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.